

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РОМАНЕ А. НОВИКОВА «РАТНЫЕ ПОДВИГИ ПРОСТАКОВ» И В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

© 2008 Л.А. Карякина

Воронежский государственный университет

Переходное время всегда характеризуется возникновением новых ценностных ориентиров и новых героев. На рубеже 20–30-х годов XX столетия в сознании формирующегося советского общества, а вслед за ним и в литературе появился особый тип человека — самоотверженного и рационально мыслящего, отказывающегося от личного в пользу всеобщего и воспринимающего это как норму жизни.

Поскольку указанный исторический период был послевоенным временем, абсолютно логично появление такого героя, в первую очередь, в произведениях о войне. К 20-м годам масса как совокупность объединенных единой целью и лишенных индивидуальности людей перестает быть главным персонажем словесного творчества, ее стихийность воспринимается в отрицательном аспекте, а на первый план выходит фигура, способная эту массу организовать. Таков Кожух — герой романа А. Серафимовича «Железный поток», доблестный воин и истинный лидер, превративший разрозненную испуганную толпу в задавшийся целью выжить «железный поток», формирующим остовом для которого стала несгибаемая сила воли его предводителя. Таков и Чапаев — главное действующее лицо одноименного романа А. Фурманова, человек-легенда, жизнь которого окружена ореолом тайн и вымышленных историй. В книге А. Фурманова, так же, как и в народном сознании, Василий Иванович предстает идеальным командиром, и даже гибель его в финале романа абсолютно героична, а потому лишена трагических черт. И Кожух, и Чапаев, будучи выходцами из народа и всей своей жизнью связанными с управляемой ими массой, тем не менее выделяются из нее и всегда единолично, без колебаний принимают самые ответственные решения. Но, самое главное, эти два образа сближает отсутствие личностного начала и склонности к рефлексии.

После I Съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 году, где было заявлено, что главным героем художественного творчества отныне

должен стать коллективный труд, в литературе одновременно возникают два жанра: «производственный роман» и «роман воспитания». Их герои действуют уже в условиях мирной жизни, но так же лишены психологии: их собственная биография полностью подчинена «биографии дела». В «производственном» романе этим делом становится строительство завода, фабрики, колхоза или домны, в «романе воспитания» — борьба за общее счастье. Так, Володя Сафонов, герой романа «День второй» И. Эренбурга, интеллигентный и защищающий свое частное пространство, духовно и физически погибает на строительстве Магнитки. Ему чужд этот мир, и он не способен найти свое место в окружающей жизни. Володя изначально обречен и осуждаем всеми, включая самого автора. А рабочий парень Колька Ржанов находит себя в общем деле: он часть массы, и она принимает его.

Из массы выходит и Павка Корчагин — главный герой не только «романа воспитания» А. Островского «Как закалялась сталь», но и целой эпохи. В его жизни нет места индивидуальным желаниям, его основная цель — борьба за благо всех и вся, во имя высших целей он без сожаления отказывается от счастья личного. Вот почему смерть Павла, так же, как и смерть Чапаева, лишена трагической окраски.

Сегодня мы понимаем, что образ человека массы, пусть даже ее лидера, глубоко трагичен своей добровольной подчиненностью массовому сознанию и, следовательно, полной нивелировкой личностного начала. Осознавали это и многие писатели той эпохи, в частности, Андрей Новиков и Андрей Платонов. Их произведения — роман «Ратные подвиги простаков» (1932–1934 гг.) [2] и повесть «Сокровенный человек» (1927 г.) [3] — созданы на военном материале: у А. Новикова это Первая мировая война, у А. Платонова — гражданская. Однако писателей интересуют не различия в характере войн, а стоящая перед их героями проблема выбора собственного пути.

Известно, что произведения Андрея Новикова оказались во многом недооцененными и даже зачастую воспринимались как подражания, в частности – Андрею Платонову, с которым писатель был очень дружен. Но в действительности А. Новиков является «достаточно самобытным, интересным, острым» [5, 5] сатириком, в творчестве которого, безусловно, обнаруживаются близкие произведениям А. Платонова темы и мотивы, но их появление обусловлено эпохой, в которую писатели жили, общностью интересов и мировоззрения, а никак не подражательством. Это исследование призвано показать созвучность тем и идей, сходство взглядов на человека и мир, его окружающий, у двух интереснейших писателей XX века, по счастливой случайности оказавшихся друзьями в жизни и соратниками в творчестве. В частности, коснутся эти параллели платоновского образа Фомы Пухова (повесть «Сокровенный человек») и персонажей романа А. Новикова «Ратные подвиги простаков», посвященного, как мы уже сказали, Первой мировой войне.

Трое друзей: Павел Шатров, Илья Лыков и Иван Бытин – «нижние чины» седьмой роты двести двадцать шестого пехотного землянского полка – являются главными героями романа А. Новикова «Ратные подвиги простаков». Они встречаются и знакомятся на калужской земле, где происходит формирование их полка и откуда вскоре в числе тысячи других таких же рядовых они отправляются на фронт в сорока теплушках.

Мотив поезда и, следовательно, дороги, столь любимый русской литературой, выполняет и в романе А. Новикова свои традиционные функции, знаменуя собой духовный путь героев, их личностное развитие и укрепление связей с познаваемым ими окружающим миром, а также связь биографии каждого из них с историческим путем страны. Последнее абсолютно очевидно, поскольку события романа разворачиваются в тревожном 1914 году, ставшем началом Первой мировой войны и предвешавшем революцию и новую войну, на этот раз уже гражданскую. В годы этой войны, в свою очередь, живет и путешествует по стране Фома Егорыч Пухов – герой повести А. Платонова «Сокровенный человек». Пухов, механик по роду деятельности и человек, любящий, подобно большинству платоновских персонажей, различные механизмы («машина... она живое существо!» [3, 141]), также совершает свое путешествие на поезде. По ходу движения и рядовые новиковского романа, и Фома Егорыч знакомятся с новыми для себя местами и встречаются с различными людьми.

Помимо дороги, героев двух произведений объединяет особенность натуры – мнимая простоватость, за которой скрывается пытливый

и живой ум, смекалка и мудрость. Не случайно Фома Пухов называет себя природным дураком. «Быть дураком значит быть вне выверенного распорядка жизни, вести себя подобно третьему сыну в сказке, оказывающемуся в нелепых положениях, но вместе с тем приближенному к истине» [4, 418]. То есть можно говорить о том, что Пухов именуется себя дураком в соответствии с русскими фольклорными традициями. Отсюда, кстати, иносказательность и самобытность его речи – они также имеют истоки в народной культуре. Один из героев А. Новикова, Павел Шатров, «выходец из черноземной сельской местности» [2, 19], иными словами – крестьянин, постоянно сопровождает свои реплики упоминаниями о родных местах. На вопрос удивленного товарища о том, почему к каждому примеру он делает «приставкой» свою сельскую местность, Шатров невозмутимо и уверенно отвечает, что в их «сельской местности возникает все, что потом повторяется во всем мире! А главное, там люди умирают, и нарождаются...» [2, 247]. В этих словах заключена глубокая мудрость именно «природного» человека, того, кто плоть от плоти своей земли. Этим похожи герои А. Новикова и А. Платонова. «В том, что кажется новым и необычным, Платонов видит повторение вечных архетипов сознания – мир возвращается в лоно истории» [4, 419]. Открытость миру и интерес к нему являются характерными чертами как Пухова, так и троих «нижних чинов», и проявляются эти черты в различных жизненных ситуациях. Так, Пухову абсолютно не понятен его попутчик-калека, который побывал в Аргентине, Месопотамии и Багдаде, но «ни в одну пальму не взгляделся задумчивыми глазами» [3, 161], и «так весь мир пронесся мимо него, не задев никакого чувства» [3, 161]. И Фома Егорыч, и герои А. Новикова с интересом вглядываются в детали окружающего их мира, пытаются понять их смысл и назначение. Например, Павел Шатров, «прочитав на теплушке надпись, что вмещаемость ее равна восьми лошадям или же сорока человекам, поразился этой несправедливости. Он определил, что в утробе лошади не мог бы поместиться даже и один человек, тогда как площадь, занимаемая в вагоне лошадь, равна площади, занимаемой пятью нижними чинами...» [2, 34]. В подобных размышлениях героя мы слышим иронию автора, но вовсе не над наивностью Павла, а над нелепостью бюрократических установок, когда человек оказывается менее значим, нежели его «братья меньшие».

В обоих произведениях отмечается особое отношение героев к книге. «Идя в барак за порцией пищи, Пухов разглядывал по дороге всякие надписи и объявления – он был любитель чтения и ценил всякий человеческий промысел» [3, 130].

Тот же интерес к книгам отмечает автор «Ратных подвигов простаков» в своем герое Павле Шатрове, который с удовольствием пользовался «книгами из батальонной библиотеки, изданными специально для солдатского чтения» [2, 19]. Для обоих героев, первый из которых «“в политике – плетень”, в географии – невежда» [1, 17], а второй «не знал ни истории народов, ни географического расположения их населенных пунктов» [2, 19], книга определенно является одним из способов познания мира, но не самым основным. Мы хорошо помним, что Фома Егорыч далеко не во всем и не всегда склонен доверять книжному и, в частности, научному знанию. «Ученье мозги пачкает, а я хочу свежим жить!» – говорит он, подразумевая вовсе не свою умственную лень и склонность к невежеству, а стремление до всего доходить своим собственным умом. Герои нередко задаются вопросами, над которыми ломает головы не одно поколение высоколобых мужей, но ответа на них так и не находят. Новиковские и платоновские мудрецы, интуитивно это понимая, даже не имея нужды удостоверяться в справедливости данного вывода путем изучения многих и многих томов, пытаются самостоятельно дойти до правильных ответов. Например, для Павла Шатрова, на все имеющего свое самобытное мнение (так, он уверен, что в сентябре государыню следует именовать сентябрьшей, поскольку августейшей она может быть только в августе), «война представляла... интерес, ибо человека интересует все, что пока ему лично неизвестно. Все, что страшит человека, есть таинственное, и, несмотря на страх, таинственное человек все же стремится разгадать» [2, 65]. В изложении солдатских умозаключений, безусловно, слышится ирония автора, показывающая, сколь далек он от идеализации своего героя. Но в то же время мы понимаем: для А. Новикова важно, что простой рядовой, вынужденный отдавать свою жизнь ради прихотей сильных мира сего, задумывается над природой такого явления, как война. И эта позиция – позиция мыслителя, стремящегося докопаться до сути вещей, – выгодно отличает его от самих сильных мира сего, что рассматривают войну как ответственный спектакль, последовавший за генеральными репетициями, на котором ни в коем случае нельзя «осрамиться и быть освишанным» [2, 43]. Военное командование вообще показано А. Новиковым, бывшим солдатом Самсоновской армии, с самой неприглядной, комической стороны. Перед нами целая галерея развращенных, живущих в свое удовольствие, ничего не смыслящих в военном деле и ни к чему вообще не приспособленных начальников. Вот полковник Гоголадзе: он ест принесенный денщиком чернослив и кидает в верного слугу

косточками, полагая, «что тем самым ласкает его солдатское сердце» [2, 76]. Вот генерал Ренненкамф: он бежит, спасая свою жизнь, по черной лестнице, забыв про «парадность, ибо черная лестница и казалась ему спасательным кругом» [2, 90]. Вот командир полка, считающий, что нехватка патронов не является проблемой, поскольку ни к чему «расходовать металл, если немцев можно одолеть и пулями из хлопчатой бумаги» [2, 48]. Причем, сатира автора направлена исключительно на вышестоящих. А какого еще отношения заслуживают генералы и полковники, если все они «могли руководить корпусами и полками в общем, однако, как подать команду для построения простой шеренги, никто из них не знал» [3, 219]?! Что касается солдат, то, со свойственной простому народу смекалкой и находчивостью, они нередко спасали ситуацию, казалось бы, безнадежно загубленную командованием. Как, например, это случилось в конце романа «Ратные подвиги простаков», когда «умелое маневрирование при отходе русских войск принадлежало не генеральскому разуму, а резвости солдатских ног и их гениальному измышлению...».

Герои А. Платонова и А. Новикова пытаются, в отличие от сильных мира сего, докопаться до сути вещей и не просто покорно выполнять подчас совершенно нелепые приказы, а объяснить для себя смысл происходящего. И в своих измышлениях они нередко идут наперекор господствующей идеологии, потому что, с их точки зрения, та, в свою очередь, идет вразрез со здравым смыслом. Так, споря со Зворычным, который «в партию залез» [3, 170], Фома Егорыч смело излагает свое мнение на вопросы собственности: «Какая там забота, когда все общее, а по-моему – чужое! Буржуй ближе крови дом свой чувствовал, а мы что?» [3, 174] Совершенно очевидно, что подобные высказывания могут не лучшим образом отразиться на судьбе их автора, и Фома Пухов, которому в начале повести постучали в окно «беспрекословной рукой» [3, 118], это прекрасно понимает, но не может не противостоять абсурдности нового жизнеустройства. Такими же сомневающимися в справедливости общегосударственных догм оказываются герои А. Новикова. Например, Илью Лыкова удивляет несоответствие его представлений о защите родины от врага тому, что активно пропагандируется «политиками», с которыми он оказывается в остроге. Согласно убеждениям последних, он как солдат непременно должен желать русским войскам поражения в империалистической войне. Илья и рад бы согласиться, но его постоянно мучают вопросы: «во имя чьей же победы» [2, 117] он должен желать этого, и кто такие пораженцы, которыми объявляют себя товарищ Стык и ему подобные?

Надо сказать, что, размышляя о значении происходящих событий, герои обоих произведений нередко сомневаются в возможности нахождения готовых ответов на подобные вопросы, более того — они в принципе уверены, что многое невозможно объяснить с точки зрения разума. «Если только думать, тоже далеко не уедешь, надо и чувство иметь!» [3, 132] — заявляет Пухов своему товарищу Петру Зворычному, которого он называет «предрассудочным» человеком. Совершенно неоспоримый аргумент против абсолютности человеческого разума в форме вопроса приводит и Илья Лыков: «Ты, Павел, не знаешь, почему у людей есть разум, а на войну они все же идут?» [2, 158] Возможно, если бы герои смогли понять смысл кровопролития, определили бы необходимость войны для отдельно взятого человека, они участвовали бы в историческом событии осознанно. Так, Пухов на вопрос комиссара о том, готов ли он положить жизнь за пролетариат, отвечает, что готов «и кровь лить согласен, только не зря и не дуриком!» [3, 135]. Ему непонятно особое сладострастие мужества красноармейцев — «оттого, что их хотят уменьшить в количестве» [3, 138]. В отличие от мудрого Пухова, которого трудно обвинить в трусости, эти молодые люди с горящими от восторга глазами, готовые истреблять врага, «еще не знали ценности жизни» [3, 158]. В тексте повести в эпизоде с красноармейцами мы слышим не просто голос Фомы Пухова, необыкновенно близкого автору, но самого А. Платонова, с горечью смотрящего на спешащих расстаться с жизнью: «...они жили полной общей жизнью с природой и историей, — и история бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности» [3, 158]. И здесь автор рассуждает о несовпадении интересов государства и человека. Те же проблемы волнуют А. Новикова и его героев. Закадычные друзья Павел Шатров и Илья Лыков, бок о бок пережив перестрелку с неприятелем, задаются вопросом, почему тогда, когда «обзывали поход мужиков на барскую вотчину бунтом» [2, 161], им не было страшно, а теперь они боятся. У Ильи находится совершенно очевидный ответ: «Ты понимаешь, — говорит он товарищу, — тогда была война наша... Там лежал наш интерес, и оттого мы не трусились! Ныне же в войне лежит чужой интерес!» [2, 161]

Ясно, что обоими авторами личный интерес, интерес отдельно взятого человека, ставится намного выше интересов государства. Вот почему у А. Платонова мы практически не встретим описания войны как таковой: для писателя гораздо более важным оказывается наблюдение за событиями внутреннего мира Фомы Егорыча Пухова, его душевными метаморфозами и неожиданными

духовными прозрениями. Героями А. Новикова, попадающими во всевозможные военные переделки, также, в первую очередь, движет личный интерес, будь то стремление Ивана Бытина поскорее попасть в Берлин, чтобы покорить местных жительниц, или элементарное желание остаться в живых, заставляющее до определенного момента не умеющего плавать рядового Олейникова практически в беспамятстве, но вполне благополучно пересечь водное пространство. И чем дальше друзья затягивают круговорот военных событий, тем очевиднее для них самих становится различие между государством и страной, между статусом защитников родной земли и пушечным мясом, в которое их хотят превратить те, в ком погибающие нижние чины не вызывают «ни жалости, ни умиления» [2, 179]. Понять это необходимо для того, чтобы «образумиться», как говорит товарищу Илья Лыков, то есть «осмыслить, что в войне, действительно, лежит чужой интерес» [2, 163], чтобы дальше двигаться уже сообразно своим представлениям о жизненных ценностях. Это нежелание быть марионетками в чужих руках, стремление делать свой собственный выбор и быть услышанным, строить свою судьбу самостоятельно делает и героя А. Платонова, и героев А. Новикова, в первую очередь, личностями, не желающими сливаться с толпой, не способными становиться частью массы.

В своей книге «Новый человек в русской литературе 1900–1930-х годов» Т. А. Никонова говорит о двух типах «массовых» героев, появляющихся на страницах платоновских произведений: одни, подобно участникам новороссийского десанта, «устремлены в будущее, готовы за него погибнуть» [1, 193], они осознанно исключают себя «из быта, природы, привычной онтологии» [1, 193]; другие — равнодушные ко всему на свете обыватели, «мир которых свернулся до размеров собственного тела» [1, 193]. Ни к тем, ни к другим не мог бы отнести себя Фома Пухов, любящий пространство жизни и не способный жить чужими мыслями, как это делают Шариков и Зворычный. Больше всего жаль Пухову юных красноармейцев потому, что попали они в мясорубку войны, еще не имея в душе цепей, «которые приковали бы их внимание к своей личности» [3, 142]. Герои же А. Новикова подчас могут показаться сложно отличимыми и друг от друга, и от окружающих их простаков — эдакими социальными типами, масками, слившимися в один образ под действием обстоятельств. Действительно, читателю порой нелегко идентифицировать в этой троице каждого в отдельности, путаницу вносят и схожие речевые характеристики персонажей. Свообразными двойниками нижних чинов в этом отношении становятся их «боевые подруги»: чулочница,

портниха и продавщица. Но в том-то и дело, что, являя собой монолитный образ, Лыков, Шатров и Быгин, эти «провинциальные мудрецы» [2, 11], зачастую проявляют непокорность по отношению к массовому сознанию, несогласие с ним. Так, попавший на Дворцовую площадь Илья Лыков оказывается единственным стоящим среди толпы, преклонившей колена перед императором. Автор использует в этом эпизоде удивительно точное и говорящее о многом сравнение: Лыков, возвышающийся над склонившимися в священном трепете, «походил на восклицательный знак среди многоточия» [2, 34].

В то же время героев обоих произведений нельзя назвать одиночками или единоличниками. Напротив, каждый из них проявляет неподдельный интерес не просто к окружающему их миру, но к тем людям, с которыми его сталкивает жизнь. Нежелание бессознательно плясать под чужую дудку не означает отказ от участия в общем деле. К примеру, о том же Илье Лыкове сказано, что молодое сердце Ильи, подключившегося к всеобщей забастовке рабочих, «имело единый такт с нарастающим движением» [2, 28], потому что он видел, что «забастовка есть первый предвестник революции» [2, 28]. Фома Пухов больше всего боится быть выписанным «в издержки революции, как путевой балласт» [3, 184]. Его радует, что теперь у людей появилось общее дело и «человек стал нужен» [3, 184]. При этом Пухов стремится к тому, чтобы, не затерявшись в толпе, не слившись с массой, найти себя в революции. Больше всего его огорчает сиротство — то состояние, в котором оказываются многие и которое необходимо преодолеть. Сиротство — это отъединенность людей друг от друга и от природы. Сам Пухов нередко ощущает одиночество и бесприютность. Путешествует он один, да и к путешествию подтолкнуло его стремление чем-то заполнить пустоту жизни, образовавшуюся после смерти близкого человека — жены Глаши. Не случайно он «находил необходимым научное воскрешение мертвых» [3, 157] — не из большого интереса к достижениям современной науки, а в надежде на те ее возможности, которые способны служить делу отдельного человеческого счастья. Получив собственное жилье, Пухов каждый вечер ходит в гости к мало симпатичному ему Зворычному, не желая долго находиться в пустой квартире, которую он называет полосой отчуждения. К преодолению одиночества стремятся и герои А. Новикова. Прежде чем они встретились, каждый чувствовал свою неприкаянность. Илья Лыков, оказавшийся на улице после недолгого тюремного заключения, был свободен, «но более, чем когда-либо, одинок» [2, 32]. Павел Шатров чувствует одиночество в толпе призывников, следующих

по сельской улице. Причем, не находя утешения и радости в среде таких же, как он сам, Павел «искал... одиночества» [2, 33].

У А. Платонова, как, впрочем, и у А. Новикова, «сиротство не может считаться нормой жизни, поиск его преодоления пронизывает повествование» [4, 420]. В данном контексте массовость перестает быть явлением отрицательным, обезличивающим человека, а понимается как единение судеб, помогающее каждому в отдельности обрести себя на своей земле. Не случайно в финале повести «Сокровенный человек» Фома Пухов приходит к выводу о том, что революция есть лучшая судьба для людей: через нее он вдруг ощутил «родственность всех тел своему телу» [3, 89]. А. Платоновым и его героем революция понимается как изменение фундаментальных оснований мира и самой человеческой природы. В финале повести «противоречия между героем и миром снимаются: революция, природа и душа человека обретают гармоническое согласование, они представляются необходимым составляющим единого универсума жизни» [4, 422]. Рядовые А. Новикова также во главу угла ставят не идеологию, а общечеловеческие ценности. На войне, которая несет «страх и движение, силу и отчаяние, разрушение и созидание» [2, 69], солдаты стремятся к тому, чтобы сохранить такие дающие ощущение мира чувства, как дружба и любовь. Не случайно для них так важна поддержка и сочувствие калужских девиц, пусть и готовых пожалеть каждого встретившегося на их пути служивого. Фома Пухов, подходя к своей пустой квартире, с горечью вспоминает, что «жилище называется очагом» [3, 174]. «Очаг, черт: ни бабы, ни костра!» — в отчаянии восклицает он. То есть семья, дающая человеку ощущение собственной нужности, а самой жизни — ее смысл, оказывается для Пухова, резавшего «на гробе жены вареную колбасу» [3, 118] и за это названного лишенным чувствительности, важнейшей ценностью и опорой. Иными словами, для героев обоих произведений мир духовный не менее интересен, чем материальная действительность. Кстати, в определенный момент в рассуждениях Фомы Егорыча проскальзывает мысль о том, что коммунисты «ничего ребята, хотя напрасно Бога травят» [3, 157]. Революция, приход которой столь радостен для Пухова, лишена одного, но важного пункта: «в религию люди сердце помещать привыкли, а в революции такого места не нашли» [3, 157]. Отсюда основная черта героев А. Платонова и А. Новикова, отличающая их от многих других, — их изначальная природность и естественность. Не случайно в те минуты, когда сердце Пухова «тревожилось и трепетало от гибели родного человека и хотелось жаловаться всей круговой поруке людей на полную беззащит-

ность», он «чувствовал свое отличие от природы и горевал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханием землю...» [3, 156]. Свое отчуждение от естества природы странные герои А. Платонова и А. Новикова преодолевают и чувствуют себя комфортно только тогда, когда они поступают по законам, установленным природой задолго до их рождения. Повинуясь этим законам, во время бомбежки поет солдат-повар, «и ни генералу, ни князю не суждено было разгадать простой тайны...: он пел именно потому, что хотел преодолеть страх» [2, 90]. Столь же непонятно немецкому генералу Макс Гофману поведение рядового русской армии, попавшего в плен с гармошкой в руках. А тот очень простодушно объясняет свой поступок: «Я человек веселый, и если в бой ходил с гармошкой, то и в плен в Германию иду в полной радости!» [2, 72]

«Так реализуется платоновская “сокровенность” человека, возвращающая его миру, а мир ему» [1, 195]. Человек, попавший в круговорот истории, захваченный вихрем революций и войн, остается для А. Платонова и А. Новикова мерой всего сущего, центром мироздания. Герои их стремятся к гармоничному ощущению себя в мире с сохранением своей самобытности и уникальности. В обоих произведениях, рассказывающих о человеке, оказавшемся на войне, мы видим не противостояние оружия – русского русскому же или русского немецкому, а внутреннюю эволюцию героев, их духовное взросление. И в данном случае становится понятен смысл новиковского термина «простаки»: это ведомые, слившиеся с толпой, не имеющие своего мнения люди массы. В финале романа «Ратные подвиги простаков» Павел Шатров говорит товарищу: «На войну, Илья, мы с тобой пришли простаками...» [2, 265] Герои сами отмечают метаморфозы, происходящие с ними на том пути, который им уже пришлось и еще предстоит пройти: если в

начале каждым из них «руководило стремление, а не точное понимание вещей» [2, 29], то ныне они «осознали многое: война, несущая огромные бедствия для народов, многое открывала для познания того, как проникнуть в иной и возможный мир» [2, 257]. Таким образом, простак постепенно превратился в личность. Фома Пухов также открыл для себя этот мир, и «душевная чужбина оставила Пухова на том месте, где он стоял, и он узнал теплоту родины, будто вернулся к детской матери от ненужной жены» [3, 188]. И в «Сокровенном человеке», и в «Ратных подвигах простаков» финал открыт, мы оставляем героев на их дальнейшем пути, но утро, «революционное вполне», и метафорическая «российская грязь», одолеваемая героями, дают нам понять, что оба писателя не тешили себя надеждой в отношении счастливых судеб своих героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Т.А. «Новый человек» в русской литературе 1900–1930-х годов: проективная модель и художественная практика / Т.А. Никонова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 232 с.
2. Новиков А. Ратные подвиги простаков: избранные произведения / А. Новиков. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. – 528 с.
3. Платонов А. П. Сокровенный человек / А. П. Платонов // Платонов А. П. Повести. Рассказы. Из писем. – Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1982. – С. 118-190.
4. Русская литература XX века: учеб. пособие / Под ред. Е. Г. Мушенко, Т. А. Никоновой. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 800 с.
5. Эльзон М. Д. Андрей Новиков (1888–1941): материалы к библиографии / М. Д. Эльзон. – Воронеж, 1973. – 37 с.